

A sepia-toned portrait of a man with a full, dark beard and mustache, looking directly at the camera. He is wearing dark clerical clothing with a chain visible at the bottom. The background is dark and indistinct.

В. Матвеева

**АПОСТОЛ
ЛЮБВИ**

Воспоминания о митрополите Антонии Сурожском и другие

Валентина Ивановна Матвеева

Апостол любви. Воспоминания о митрополите Антонии Сурожском и другие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25017565

*Матвеева В. И. Апостол любви. Воспоминания о митрополите
Антонии Сурожском и другие: Сатисъ; Санкт-Петербург; 2017
ISBN 978-5-7868-0002-0*

Аннотация

В книге известного режиссера-документалиста Валентины Ивановны Матвеевой рассказывается о ее встречах и работе с великим подвижником нашего времени Митрополитом Антонием Сурожским, о том, какую роль он сыграл в ее жизни и что он значил для множества людей во всем мире, о съемках фильма «Апостол любви» и других, о трудностях и чудесах, которые этим съемкам сопутствовали, о встречах с архимандритом Софронием Сахаровым, о. Василием Лесняком и другими священнослужителями и мирянами, искренне и не жалея сил служивших и служащих Богу, народу и Отечеству.

Содержание

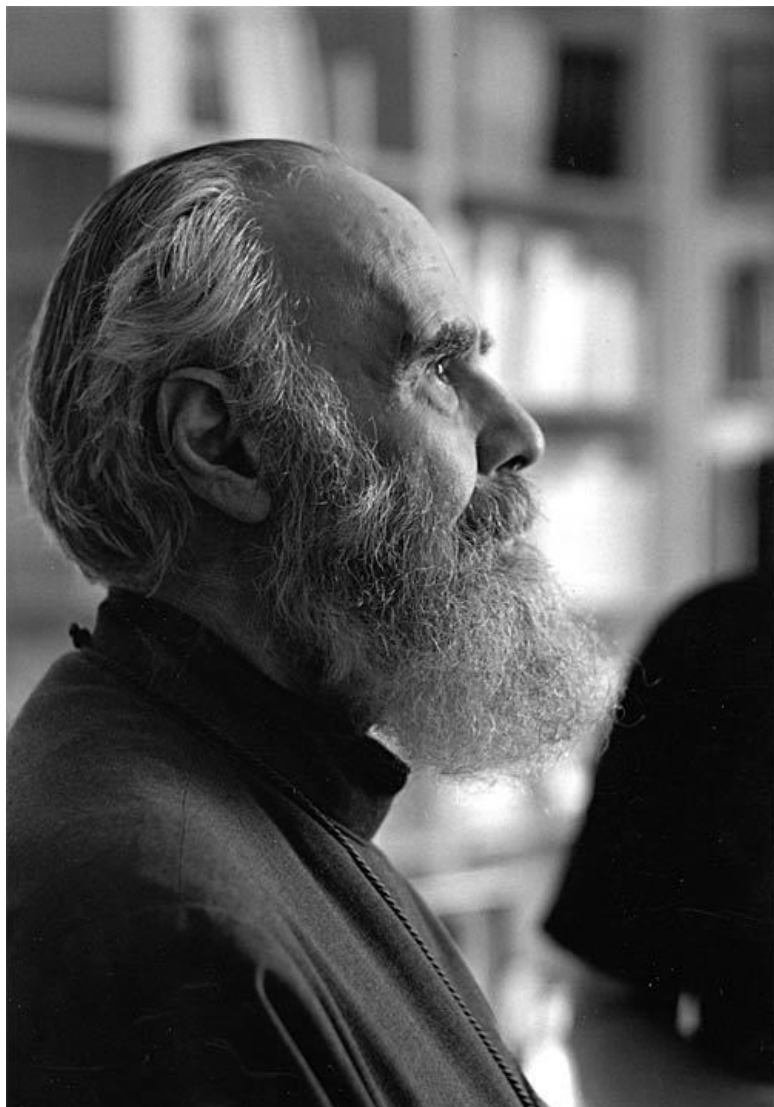
Вместо предисловия	7
Православие в Англии	8
Жизненный путь	9
О жизни приходов	14
Часть первая. Святитель наших дней	24
Воспоминания О Митрополите Сурожском Антонии	25
Встреча	26
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Валентина Матвеева
Апостол любви.
Воспоминания о
митрополите Антонии
Сурожском и другие

© В. Матвеева, текст, составление, 2016

© Издательство «Сатись», 2016

Благодарим Фонд Митрополита Антония (Metropolitan Anthony of Sourozh Foundation) за предоставленные фотографии.

Вместо предисловия

«В начале 20-х годов в Англию прибыло около 600 русских эмигрантов. Не напрасной оказалась их скорбная, одинокая жизнь на чужбине. Вся любовь этих людей устремлялась к родной земле. К той земле, куда не было им возврата.

Первые годы нашего рассеяния... всё было потеряно: Родина далеко, родные – вне досягаемости, жизнь так тяжела, что страшно и вспоминать. В этой обнаженности и обездоленности многие русские нашли Христа в Евангелии Господнем».

Митрополит Антоний Сурожский

Из интервью В. И. Матвеевой М. Сизову, газета «Вера», г. Сыктывкар. – 2001. – № 388.

Православие в Англии

Русская Православная Церковь существует в Англии с тех пор, как туда приехало русское посольство. При посольстве всегда была небольшая церковь, в 1919 году её закрыли. В 20-е годы, когда в Англию приехали эмигранты из России, они стали искать возможность устроить церковь. Всюду, куда бы ни приезжали русские, первое, что они начинали строить – это церковь. Владыка Антоний по этому поводу сказал, что «русское рассеянье превратилось в сеянье. И что ничего случайного в этом мире не бывает. Может быть, эта эмиграция и отток православных из России нужен был для того, чтобы по всему миру, везде, куда приезжали русские, возрастали православные церкви». Так было и в Англии. Сначала церкви ютились в каких-то помещениях, потом постепенно стали строить храмы. Первый храм был построен в Оксфорде.

Жизненный путь

Владыка Антоний Сурожский – сын дипломата, работавшего в Персии, – родился в 1914 году. До семи лет жил в Персии. Затем революция в России, и семья, претерпев множество лишений и невзгод, поселилась во Франции. Там будущий митрополит окончил университет. Сразу после университета он был призван на военную службу военным врачом. После капитуляции Франции работал врачом в парижской больнице. Позже принимал участие в движении Сопротивления.

Владыка вспоминает: «Еще в 1931 году я был поставлен перед выбором – к какой Церкви принадлежать: или стать членом Зарубежной Православной Церкви, или остаться в Русской Православной. Подумав, я остался в РПЦ. На это были две причины. Меня всегда учили, что от Церкви можно отойти только тогда, если она проповедует ересь. РПЦ ереси не проповедовала никогда. Второе. Когда Церковь, которой ты принадлежишь, находится в плену, в положении мученичества, в гонении, тогда-то и надо ей принадлежать, быть ее свободным голосом, быть верным ей. И, хотя бы в малом, соучаствовать в ее видимом позоре. И не я один сделал такой выбор. Николай Александрович Бердяев, Владимир Николаевич Лосский, Семен Людвигович Франк и множество других людей. Это люди с разными политическими направ-

лениями. Но мы с Русской Церковью были одно целое, мы не судили ее, а молились и плакали о ней. Мы перед ней благоговели.

Начиналась война, и мне нужно было как-то определить-ся. И я решил принять монашество, но при этом не хотел выделяться среди своих коллег. Я оставался таким же. Мало кто знал, что я принял монашеские обеты».

После завершения войны в 1948 году в сане иерея приехал в Англию по приглашению англикано-православного Содружества им. свв. Албания и Сергия капелланом; был назначен «временно» в приход Успения Божией Матери после внезапной смерти его настоятеля. «Когда я приехал сюда, то меня поразило то, что в церковь приходили только бабушки и их внуки, моложе 14 лет. В этом возрасте мальчик или девочка может сказать: «Я не пойду в церковь!» Среднего поколения не было. И я решил сделать все возможное, чтобы и среднее, пропадающее поколение, вернулось в церковь. Я понимал, что быть православным – это важнее, чем иметь в себе «русскость». Потому что «русскость» может передаваться только в самом православии. Чтобы вернуть среднее поколение, надо было начать служить и вести проповеди, беседы на английском языке. Эта проблема была более чем сложная.

Я прибыл в Англию без знания английского языка вообще. И мой приезд был очень дерзким поступком. Мне предложили стать настоятелем храма, и я согласился на том основании, что если 50 миллионов англичан могут говорить на

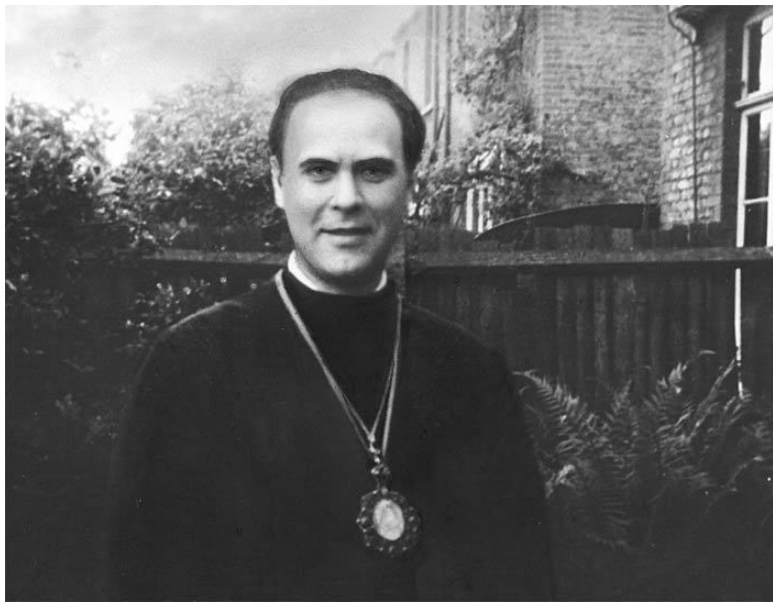
своим языке, то почему еще один человек не сможет ему научиться? Я рассчитывал, что хорошее знание французского и немецкого языков поможет мне. И я засел за учение. Читал со словарем, слушал, как говорят люди, пробовал всячески произносить те звуки, которые они произносили. Иногда выходило комично, иногда впопад. У меня в приходе оказалось пять-шесть человек, которые не говорили ни по-английски, ни по-русски. Они приехали из Германии. Пришлось служить и по-немецки. Одновременно мы все вместе учили английский. Как только я начал достаточно знать английский, чтобы произносить богослужебные слова, хотя говорить еще не мог, то я стал служить по-английски. Сначала в церковь зашел один человек, потом стали прибавляться другие. Затем мы открыли школу для детей с русским языком. И эти дети вернули нам своих родителей. Вот с чего началось. К сожалению, после третьего поколения русский язык делается пассивным и потом совсем исчезает. Сейчас мы в значительной мере употребляем английский. Случается, что наши прихожане женятся или выходят замуж за человека иного языка, и поэтому требы приходится совершать на очень многих языках. Мы служим по-славянски, по-английски, по-немецки, по-французски, по-гречески, по-испански, по-итальянски. Слава Богу, у нас четверо священников, которые вскладчину могут служить на этих языках. Постепенно наш приход стал многоязычным и многонациональным. Сейчас в нашем приходе около тысячи человек».

На свадьбе о. Сергия Гаккеля. Англия, 50-е гг.

То, что вы сейчас прочитали, является лишь малой частью той действительности РПЦ за рубежом. Вот еще некоторые страницы того времени о русских нищих эмигрантах, живших страшной жизнью в Париже, куда Владыка попал мальчиком со своими родителями. «В одном из подвалов мы оборудовали церковь: Трехсвятительское подворье. Люди жили в такой нищете, что священники питались кусками хлеба, которые прихожане складывали в картонные коробки у входа в церковь. Владыка Вениамин Федченков часто ночевал в

церкви на полу, завернувшись в подрясник. И когда однажды я спросил его, почему он спит так, то он ответил: «На моей кровати спит один нищий, а на коврике у кровати спит другой. Я же пристроился здесь». Как сказал один румынский монах, то были времена, когда сосуды были деревянные, а попы золотые».

Начало архиерейского служения. Лондон, конец 1957 – начало 1958 гг.

О жизни приходов

Сейчас РПЦ в Англии имеет около тридцати приходов (На начало 90-х годов). Англиканская Церковь очень терпимо и даже с приязнью относится к Православной Церкви. Чем это вызвано? Их храмы пустеют и разрушаются. Конечно, эти храмы другой архитектуры, но они предназначены для служения Богу, и в провинции чаще всего Англиканская Церковь отдает такие здания православным общинам. Не продает, а отдает. Чтобы туда приходили люди, чтобы там не было мерзости запустения и чтобы здания не разрушались... Кроме всего прочего, как сказал когда-то Арсений Тарковский: «Живите в доме и не рухнет дом», здания рушатся, когда в них не живут люди. В Англии только проблема с колоколами. Власти не ограничивают в богослужении, но не разрешают строить колокольни, заботясь о покое своих граждан. В Эксетере стоит замечательный храм XVI века. И там маленькая колоколенка сделана прямо внутри храма. Оксфорд – это единственный город в Англии, где в то время русские построили храм своими руками. Но власти не разрешили, чтобы храм был выше окружающих домов, и он стоит с плоской крышей.

*30 ноября 1957 г., день епископской хиротонии Владыки
Антония*

Что касается членов РПЦ, британцев по происхождению, то мне кажется, что их даже больше, чем русских. Англичане часто переходят из англиканства в православие. Почти всякий англичанин, побывавший осознанно или случайно на службе в церкви Успения Божией Матери, где служит Владыка Антоний Сурожский, как правило, из нее больше не уходит. Я сама была свидетелем подобного случая. Однажды муж моей подруги привез меня с камерой в храм и спросил: «Можно я останусь на литургии?» – «Да». Когда я вечером вернулась домой, подруга спросила меня строгим голосом: «Что ты сделала с моим мужем? По-моему, он спятил». – Что такое? – Он ходит и говорит, что он впервые в жизни ощутил Бога, что там летают ангелы, и что-то еще бормочет. Я говорю: «Но он же был на литургии. Он все это почувствовал». Потом обратилась к нему: «Дэвид, может быть, ты крестишься?» Он сказал: «Может быть». То, что происходит во время богослужения, особенно когда служит Владыка Антоний, трудно описать. Там начинаешь действительно явственно ощущать присутствие Бога. Хор, вся красота православного богослужения, облачение священства, их молитва – все это и потрясло Дэвида. Через два года он крестился. Теперь он прихожанин этого храма. Много читает книг по русскому богословию, святых отцов, размышляет.

Религия англикан светская, их церкви больше похожи на

клубы по интересам. У Владыки храм – это место, где происходит реальная встреча с Богом. Но происходит это не со всяким. Владыка Антоний часто повторяет, что «вера – это дар Божий. Одним она дается, а другим – нет». Каким образом это происходит – знает один Господь.

Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 30 мая 1968 г.

Владыка часто в своих беседах рассказывает о подобных случаях обретения веры. Приходит человек, приносит посылку и говорит: «Можно мне тут посидеть?» – «Посидите». Кончилась служба, а человек говорит: «Я ощутил чье-то присутствие во время службы». Владыка отвечает: «Это Бог». – Да бросьте, Его же нет! – Воля ваша. Через некоторое время слышится другая просьба: «А можно я посижу после службы, когда никого нет?» – «Пожалуйста, сидите». Человек остается и сидит в пустом храме. Потом говорит: «Я опять явственно ощущал чье-то присутствие». Ему снова отвечают: «Это Бог. Он здесь!» После таких случаев люди начинают задумываться... Одна англичанка, будучи в Англиканской Церкви, потеряла веру. Случайно в библиотеке нашла книгу Владыки Антония, прочитала, захотела с ним встретиться. Она с волнением и со слезами рассказывала, что когда Владыка встал на колени, чтобы помазать ее стопы, она вдруг ощутила, что как бы один из первоапостолов помазует ее. В эту минуту в нее вошли вера, радость, благодарность, ощущение реальности Господа.

Владыка Антоний пользуется в Англии громадным авторитетом. Я уже рассказывала, что в эту церковь заходит принц Чарльз. И как – то раз, постояв там одну службу, он сказал: «Мы все потеряли, а вы все сохранили».

Владыке сейчас 87¹ лет, но внутренняя его сила и убеждения в слове таковы, что когда он ведет свои беседы для русских, их приходят слушать и англичане. При этом они практически не знают русского языка. Я спрашиваю: «Почему вы приходите?» – «Голос. Хотя бы услышать его голос». Такая сила убеждения у Владыки. Его беседы, проповеди только на Евангельские темы. Но Владыка рассказывает об этом так, как будто он был современником Христа. Когда он говорит о том, что случилось после того, как Христа распяли, как разбежались все ученики, о той грозе, которая вскоре разразилась, об оставшихся с Господом женщинах, любимом ученике... то ты абсолютно ясно ощущаешь, что он там присутствует. Все это видится в таких деталях, что стирается грань веков, и ты становишься участником этих событий. Владыка очень часто с болью говорит, что за это время мы потеряли огонь веры, который горел в сердцах первых христиан. Они отдавали свои жизни во имя Господа, неся людям живительное слово Бога.

Его беседы, его проповеди возвращают нам Евангелие не как литературный памятник, а как живое, реальное слово Божие, которое звучит среди нас.

Сейчас Владыка Антоний Сурожский живет позади алтаря в маленькой пристроечке. Можно сказать, что впервые за 80 лет у него появилась своя квартирка. До этого ни у него, ни у его мамы и бабушки не было своего жилья. Живет он

¹ Написано в 2001 г.

очень скромно, у него нет келейника, нет повара. Женщины иногда приносят ему еду и ставят под дверь. Владыка не хочет жить лучше, он монах и живет по заветам Христа. И считает при этом, что он живет у «Христа за пазухой». У него есть небольшая пенсия по старости. Он не голодает, но этого как раз хватает на суровое монашеское существование. Если же ему приносят деньги, а таких людей бывает много, он сразу же отдает их нуждающимся. К Владыке часто обращаются обездоленные люди из России с просьбой прислать им деньги. Но у него самого нет денег, и Владыка Анатолий Керченский, викарный епископ, подробно отвечает всем, что они живут очень скромно. Владыка Анатолий, например, пока не получил пенсионную книжку, по которой бесплатно ездят в метро, ходил до храма 45 минут пешком. В храме всегда висит корзина или кружка, на которой написано «Для бездомных». И Владыка Антоний регулярно обращается к прихожанам: «Мы, все русские эмигранты, очень хорошо знаем, что такое жить без своего дома, мы все через это прошли. Поэтому жертвуйте, жертвуйте щедро тем, кто сейчас оказался на улице». И люди кладут туда деньги, кто сколько может. В эту церковь приходят и англичане, и греки, и сербы, и русские – всем там находится место. Такой и должна быть Апостольская Церковь Христа.

Владыка Антоний умер летом 2003 года. Похоронен на мемориальном кладбище Олд Бромптон.

Часть первая.

Святитель наших дней

Господи, Ты знаешь всё, и любовь Твоя совершенна. Возьми же эту жизнь в Твою руку и сделай то, что я жажду сделать, но не могу».
(Молитва митрополита Сурожского Антония)

Воспоминания О Митрополите Сурожском Антонии

Много раз я собиралась начать эти записки – и не решалась. Надо было попросить благословения у Владыки Антония, а я все откладывала.

Стоя у его могилы, я молча просила благословения и помощи.

Я кинорежиссер, и память у меня фотографическая. Мне проще описать картинку, чем воспроизвести глубинную сущность события, встречи. Быть может, из отдельных картинок сложится что-то целое.

Встреча

О Владыке Антонии я узнала много лет назад.

Со мной случилась беда – я тяжело болела. Врачи определили срок жизни – год. Мои друзья решили меня крестить.

– Зачем? – спросила я, – я скоро умру.

– Тем более надо крестить, – отвечали они.

Евангелия не было, невозможно было в те годы его достать, а меня надо было подготовить.

И вот кто-то принес тоненькие листочки, сколотые скрепкой, пятый – слепой экземпляр, напечатанный под копирку на плохонькой машинке. «Митрополит Антоний Сурожский. Проповеди и беседы». Эти листочки тайно ходили тогда по рукам, и, видно, их было много, если дошли и до меня! Тогда я еще не знала, что Татьяна и Елена Майданович, рискуя свободой, сеяли их по всей стране. Ведь в те годы (конец 70-х) еще действовал закон, по которому за распространение религиозной литературы давали срок. Переданные для прочтения листочки чаще всего давали на одну ночь: «Прочти и верни. Или перепечатай и верни, передай другому».

Я начала читать. И тут в мою сжатую, скомканную, наболевшую от невылившихся рыданий душу, вошло тепло.словно стал разгораться огонь – ровный, не обжигающий, но согревающий, и я физически ощутила, как боль и мрак уходят.

Некоторые слова я приняла как обращенные прямо ко мне.

«...Христос ставит каждому из нас вопрос: А хочешь ли ты исцелиться, слепой, глухой, иссохший – хочешь ли ты жизнь?.. И если мы можем ответить: Да, хочу! – Христос говорит нам: Жди же теперь, чтобы закипели воды, чтобы сошла сила... Он нам говорит: В таком случае, встань и иди! Встань и иди туда, куда тебя влечет благодать; встань сам, встань верой, встань убеждением, порывом, не жди, чтобы тебя подняли!»

Никто, кроме Владыки Антония не передал лучше мое состояние после прочитанного:

«...от этих слов сердце горит, от этих слов делается светло на душе, поднимается заря в мысли, от этих слов я делаюсь чище и светлей, эти слова вызывают во мне новую силу, новую надежду, новую радость...»

Меня крестили тайно, в Осташкове. Целый год после этого мне казалось, будто две большие ладони несут меня, минуя опасные места, страхи и страдания. Ощущение было таким внятным, что я боялась не только говорить о нем, но и думать. Боялась, что оно исчезнет.

А потом все кончилось. Словно кто-то опустил меня на землю и сказал: «А теперь – сама».

Я выжила. Я чувствовала себя, как тот расслабленный, которого Христос исцелил и сказал ему: «Иди и не греши...» Признаться себе, что произошло чудо исцеления, я не сме-

ла, от этих мыслей становилось страшно. Значит, эта новая жизнь дана мне неспроста, а как бы в долг, под залог? Но что было залогом? Я не понимала. И до сих пор живу с чувством неотданного долга.

Главное произошло. Встреча с Владыкой Антонием была встречей с Богом.

* * *

Как-то в переполненной загородной электричке, среди измученных жарой и дальней дорогой людей, я увидела лицо женщины, которое меня поразило. Оно сияло какой-то тихой радостью, светом. Она легко улыбалась, не отрывая глаз от книги. Я прочла на обложке: Антоний Сурожский «О встрече». Отблеск иного мира дрожал на ее лице, как лучи солнца, падающие сквозь молодую листву. Вот и еще одна встреча произошла...

* * *

Личная встреча и первая беседа с Митрополитом Антонием произошла через десять лет.

Я приехала в Лондон впервые в 1989 году. Друзья, провожая, говорили: «Счастливая, Владыку Антония увидишь».

Шла страстная неделя, я ходила на службу каждый день и

видела его. Он был строг, сосредоточен, служил, внимая глубинам своего сердца, недоступен. Невозможно было представить, что я задаю ему свои вопросы, говорю с ним.

Наступила Пасхальная ночь. И в этом всеобщем ликовании объединяющей любви, когда знакомые и незнакомые обнимали друг друга, путая английскую речь с русской, я решилась подойти к Владыке Антонию. Он давал целовать крест и благословлял верующих. Приложившись к кресту, я представилась и попросила о встрече. Он махнул рукой в сторону свечного ящика: «Подойдите к старосте Анне Гаррет, она вам даст мой телефон».

Анна Гаррет недоверчиво посмотрела на меня, телефон дала неохотно. Я поняла – покой Владыки берегут.

С трудом выдержала два дня и позвонила ему. Мы договорились о встрече. Стала думать, что бы ему принести в подарок. А мне говорят: «Пирог испеки и принеси». Но то ли в Англии дрожжи не те, то ли плита другая, только пирог никак не поспевал к сроку. Я вынула его из духовки недопеченным.

Ровно в назначенный час я нажимала кнопку звонка на двери храма, под которой было написано «Bishop» (Епископ). Дверь тут же открылась, за ней стоял Владыка Антоний. Он провел меня в маленькое помещение – ризницу и приемную одновременно.

Это была небольшая комната за Алтарем, в которой всего-то и было: стол, накрытый клеенкой, на нем электриче-

ская плитка, а на плитке – алюминиевый чайник. Еще были деревянная скамья и стул с высокой спинкой. Опрятная бедность.

Я нервничала. Листок с записанными вопросами куда-то подевался, пирог сковывал руки, и я, набравшись смелости, призналась:

– Владыка, я принесла Вам пирог, но он, по-моему, не допекся.

Он взял у меня из рук несчастный пирог и с улыбкой сказал:

– Не пропадет.

Напряжение было снято, мы начали беседовать. Я спрашивала – он отвечал. Я все пыталась «встать на цыпочки» и задавать «умные вопросы», но вскоре перестала. Это получилось само собой. Беседа шла – словно между давно и близко знакомыми людьми.

Он так умел слушать, что ты невольно раскрывался до доньшка. Доньшко, впрочем, было не таким и глубоким. Потом, придя домой, и вспоминая эту встречу, я хваталась со стоном за голову: «Как я с ним разговаривала! Потеряла дистанцию. Забыла, кто он и кто я!»

Но в следующую встречу все повторилось. Расстояние исчезало после первых слов...

В том же 1989 году мне посчастливилось побывать на ежегодной конференции Сурожской Епархии. Она проходила за городом, в Эффингаме, где для этого было арендовано здание школы-интерната.

Со всех православных приходов Англии сюда съехались люди: слушали доклады, вместе молились и отдыхали.

Кончался май, наступал июнь, все цвело. Снятую для конференции школу окружал ухоженный двор, все было ярким: синяя вода в бассейне, ярко-зеленый газон, рыжие лошади за оградой и постоянное ощущение счастья, раскованности душевной: вокруг были знакомые и незнакомые люди, открытые, щедрые, дружелюбные, словно Пасха продолжалась!

И рядом ходил Владыка Антоний. В сандалиях на босу ногу, в стареньком выгоревшем подряснике – быстрый, прямой. Только что с ним кто-то фотографировался, а теперь он разговаривает в тени дерева, а вот он сидит прямо на газоне в окружении нескольких человек...

Кто-то отдал мне свой купальник, кто-то сказал, что из любого автомата можно позвонить в любую страну, а мы были в это время в конюшне, смотрели лошадей, и там стоял телефон-автомат. Собрали мелочь, вложили мне в ладонь, и я прямо из конюшни позвонила в Ленинград. Эффингам – рай... Страна своих, где все любят всех – таким он остался

у меня в памяти.

Утром не явился один из докладчиков. Владыка Антоний, перегнувшись через ряд кресел, положил мне руки на плечи:

– Валя, вы сделаете доклад?

– Да! – ликующим голосом отвечала я, – о чем?..

– О чем хотите!

Ирина фон Шлиппе, переводившая «доклад», предупредила меня: «англичане могут слушать только полчаса».

О чем я рассказывала? О своей работе. Я только что сняла фильм «В поисках Санкт-Петербурга», в нем билась радость начала перестройки, в нем люди перед камерой вели себя так раскованно, вдохновенно, будто всю жизнь давали интервью, в нем народ несколько суток стоял в оцеплении вокруг «Англетера», а «Англетер» все-таки взорвали, и так получилось, что только мой оператор Саша Рачков снял этот взрыв, а потом КГБ гонялось за этим материалом.

С прихожанами

В фильме была снята канонизация Ксении Блаженной. В нем было начало, ожидание, надежда, свежий ветер, счастливые голодные лица молодых, в нем академик Александр Панченко рассказывал о мистике, душе и духе этого странного, зачарованного, умышленного, построенного на Петровских ересях, города, заплатившего за это революцией и блокадой, и всей своей трагической и прекрасной судьбой.

В нем была та Россия, о которой в Англии ничего не знали.

Я поглядывала на часы, Ирина синхронно переводила. Я закончила ровно через тридцать минут. Зал зашелестел, заговорил, кто-то что-то сказал. Ирина шепнула: они хотят,

чтобы ты продолжала. Я взглянула на Владыку Антония – он кивнул, и я продолжила...

В тот майский день 1989 года у меня и в мыслях не было, что через четыре года я сниму свой первый фильм о Владыке Антонии и назову его «Встреча». Но начало фильму было положено здесь, в Эффингаме, где я познакомилась со многими будущими его героями. Здесь завязались дружеские отношения, без которых невозможно было бы снять его. Люди, сидевшие в зале, будут возить съемочную группу по Англии, предоставлять кров, кормить и помогать во всем, чтобы запланированная Госкино пятидневная командировка продлилась пять недель, за которые мы сняли двадцать один час материала.

Не могу не рассказать еще об одном эпизоде в Эффингаме.

Мы обедали в гимназической столовой. Еда была простой, но изобильной: кукурузные хлопья, молоко, йогурт, ветчина, мюсли, зелень – каждый выбирал, что хотел.

Я доедала бутерброд с ветчиной, когда кто-то спросил у меня:

– Разве ты не будешь завтра причащаться?

Рука с бутербродом застыла, я онемела.

– Завтра будет литургия?

– Да. А сегодня вечером – исповедь.

Я со стоном опустила бутерброд на тарелку. Через три дня я уезжала в Россию и сама себя лишала последнего прича-

ствия из рук Владыки Антония.

Что делать? В отчаянии я бродила среди цветущих деревьев Эффингама. Он уже не казался мне раем. И вдруг увидела Владыку Антония. Кинулась к нему, сбивчиво рассказала обо всем: что уезжаю, что завтра причастие, а я не знала и съела мясо...

Он как-то весь потянулся вверх, распрямил плечи, приподнял голову, улыбка сошла с его лица, оно стало строгим. Передо мной стоял совсем другой человек и человек этот произнес:

– А я не в желудок буду Вам смотреть, а в душу!

Это было – царственное решение. До сих пор живу с чувством, что он мой грех взял на себя. Прости меня, Владыко! И вспомнились его слова из беседы, записанный мною в 1993 году:

«...бывает страшная порода людей, которые все знают, которые держатся устава во всех отношениях и в которых все есть, кроме самой малой искорки или капли крови и сострадания, которые готовы во имя устава церковного и собственной праведности человека разрушить, довести его до отчаяния, Это более страшная порода, чем преступники... И они забывают слова Самого Христа (потому что мое мнение можно ни во что не ставить). Спаситель Христос в двадцать пятой главе Евангелия от Матфея, в той главе, где читается о Страшном суде, спрашивает: вы голодного накормили? бедняка одели? больного посетили? человека в тюрьме тоже по-

сетили?

Он не говорит ни слова о том: а вы во что верили? Он даже не говорит: верили ли в Бога? Он спрашивает только о том, как человечность в этом человеке проявлялась...

...А человек, в котором нет ни сердца, ни сострадания, ни любви, ни понимания, а только самоправедность, такому человеку и до Бога не дойти!»

* * *

Осенью 1989 года Митрополит Антоний приехал в Москву. Я разыскала его телефон и впервые решилась попросить о съемке. Он согласился сразу, говорил быстро, четко по-военному, словно сэкономил мое время:

– В четверг, в восемь вечера, в гостинице «Украина» вас устроит?

– Да, – отвечала я.

Четверг послезавтра. Надо было отпроситься с работы и найти в Москве камеру и оператора. Мои друзья по Высшим режиссерским курсам, жившие в Москве, помогли мне.

В четверг в восемь вечера в холле «Украины» меня ждал человек с камерой – молчаливый, замкнутый, мне показалось – высокомерный. Он работал на Центральном Телевидении – корреспондентом в зарубежных странах.

Мы поднялись наверх и увидели такую картину: в холле, перед номером Владыки сидели и стояли священники раз-

ных возрастов и, если так можно выразиться, званий. Очередь! Сердце у меня упало. Ровно в восемь в холл вышел Митрополит Антоний. С улыбкой оглядев всех нас, попросил священников подождать, а меня и оператора пригласил войти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.